

ДОЛГАЯ ДОРОГА В ДЮНАХ

КОМПЛЕКТ
ИЗ 2-Х КНИГ

Олег Александрович Руднев

Долгая дорога в дюнах:

комплект из 2-х книг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74360911

ISBN 978-5-389-34031-2

Аннотация

В этот комплект входят сразу две части «Долгой дороги в дюнах» – первую, ставшую основой культового сериала, и вторую, рассказывающую об истории уже следующего поколения.

Когда по телевизору показывали «Долгую дорогу в дюнах», пустели улицы городов. Олег Руднев рассказал историю, вызывающую подлинные и сильные эмоции. И прежде всего – безграничное сочувствие к героям, которые могли бы быть счастливы, если бы не... Не война, не смена власти, не страшные обстоятельства.

Марта и Артур шли навстречу друг другу тридцать лет и ни на миг не переставали любить, не забывали друг о друге. Любовь хранила их, не давала пропасть, сгинуть. Они оставили себе право мечтать и надеяться, и эта мечта делала их свободными.

Сегодня, спустя много лет, книга по-прежнему читается с большим интересом, именно потому, что она о настоящей жизни, в которой добро и зло всегда рядом и нет абсолютного счастья, но есть любовь, которая, как награда, дается тем, кто в нее верит.

Содержание

Долгая дорога в дюнах	4
Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Олег Руднев

Долгая дорога в дюнах: комплект из 2-х книг

Долгая дорога в дюнах

Глава 1

Море...

Сегодня оно несло к берегу мутно-прозрачные зыбкие горы. Кружило их, сталкивало и с грохотом обрушивало на мелководье. Широкие пенные языки с жадным шипением вылизывали отмель, подбирались к остову старого, изглоданного временем карбаса. В поселке уже никто не помнил, как и когда очутилась здесь эта дырявая посуда — брошенная за ветхостью или вынесенная невесть откуда шалой волной.

Печальный символ утлой рыбацкой судьбы.

Набухшие клочкастые облака нависли над землей так низко, что трудно было представить: где-то там, за ними, могут быть покой и солнце.

Зента сидела на сером холодном песке, бессильно привалившись к борту. Закутанная в черное, с выбившимися из-

под платка прядями седых волос, она казалась старухой.

Увертываясь от ветра, к карбасу подошла Айна.

– На-ка, поешь, – протянула Зенте завернутую в полотенце миску.

Зента не шевельнулась.

– Господи! – с отчаянием выдохнула Айна. – Проглоти хоть кусок!

Но Зента не слышала. Айна заплакала, опустилась на песок рядом с подругой.

– Околеешь ты здесь... Кому от этого польза?

Так и не дождавшись ответа, отряхнула подол, сказала хмуро:

– Ладно. Мне доить пора. Миску, когда пойдешь, не забудь.

Она уже отошла на порядочное расстояние, когда Зента вдруг позвала каким-то странным, сдавленным голосом:

– Айна, смотри!.. – и медленно поднялась.

Женщина обернулась, вглядываясь в кипящий волнами простор.

– Господи!.. – и бросилась вверх по дюнам, к поселку. – Люди! На помощь! Люди!

В поселке ударил колокол. Из домов стали выбегать рыбаки, на ходу запахивая брезентовые куртки, нахлобучивая зюйдвестки. За ними тянулись на берег женщины, ребяташки. Столпившись на отмели возле карбаса, все они недоверчиво вглядывались в ревущее море. Кажется, там, за

кромкой прибоя, и в самом деле что-то плясало на волнах. Но что? Обломок? Мачта? Человек, намертво вцепившийся в нее?

Андрис Калниныш – кряжистый, крепкий, с короткой бородкой на медно-красном лице задумчиво сунул в рот незажженную трубку. Если б хоть точно знать, что там – человек.

– Ну, что же вы? – гневно метнулась к рыбакам Зента. – Труссы! Ждете, пока его разобьет у берега? Это он, он! Я вижу! – Она подбежала к самому краю отмели, закричала, захлебываясь ветром: – Янка-а!

Черная стена воды выросла перед ней. Зента даже не успела испугаться. Калниныш выхватил ее из прибоя – мокрую, оглушенную.

– Иди к женщинам, Зента. – Он сунул трубку в карман. – Мы сейчас... – Кивнул рыбакам, и четверо самых дюжих мужиков поволокли с дюн лодку.

– Отец, гляди-ка! – Лаймон, плечистый парень с такой же, как у Калниныша, только еще мягкой бородкой, рывком сбросил с себя куртку – глаза его светились надеждой. – Вроде не зря стараемся.

– Цыц ты! – резко обернулся к нему Андрис. – Плюнь три раза.

– Всыпать бы тебе три раза, – добавил юркий, похожий на гнома Фрицис Спуре. – Знал бы тогда, как под руку каркать.

Но теперь и он ясно видел: волны подтаскивали свой загадочный груз все ближе. Конечно – мачта. И человек на ней.

Похоже, даже рукой машет, зовет. Может, и кричит, да разве разберешь в таком грохоте?

– Раз, два! Навались! – рыбаки сунули лодку в приглубину за отбежавшей волной.

Но тут же встречный вал выбросил их на отмель. Чудовищной силы волна, вынырнув из свинцовой глубины, как щепку перевернула посудину, разметала бегущих людей. И выкинула, наконец, свой непонятный груз на берег: в песке, будто чудовище, корячилось огромное, вырванное где-то с корнями дерево. Мокро лоснился толстый, дочерна обглоданный морем ствол. С кривых, завитых в тугие узлы ветвей стекала вода. Издали их можно было принять за что угодно.

Калниныш молча сплюнул, повернулся и тяжело зашагал к дюнам. Рыбаки торопливо оттаскивали лодку – от греха подальше. Зента больше не упиралась. Послушно, безвольно, как больной ребенок, брела рядом с Айной. Торопилась уйти, чтобы не слышать этот злобный, торжествующий рев.

Ночью она лежала без сна, без дум. Так лежат покойники, которым забыли закрыть глаза. Неутихающий грохот штор-ма глухо доносился сквозь толстые бревна стен. От мерных ударов чуть заметно вздрагивало пламя свечи, оплывавшей в медном шандале.

Со стены, с фотографий, на нее смотрел Янис – молодой, чуть старше, чем теперь Артур. И так они похожи, отец и сын, – одно лицо. Рядом с мужем она – двадцатилетняя, в праздничном платье, со щекастым крепышом на руках.

Над берегом, по дюнам, на печальный звон колокола тянулась молчаливая цепочка людей, одетых в черное. Впереди шел священник. Лошадь с трудом тянула по песчаной дороге телегу с простым струганым гробом. И такими же простыми, будто вырубленными из дерева, казались лица людей – жителей рыбацкого поселка. Колокол, возвещавший о похоронах рыбака – море все же отдало свою жертву, – раскачивался на растрескавшейся от времени и ветров сосновой колоде у кладбищенских ворот. Однорукий печальный старик уныло дергал веревку.

Это маленькое сельское кладбище, приютившееся за дюнами, среди сосен, – последняя пристань рыбака. На аккуратных, заботливо убранных могилах, рядом с белыми крестами, можно было увидеть и маленький якорь – символ надежды и спасения в лучшем мире. Когда гроб опустили на песок у края свежерытой могилы, пастор скорбным взглядом обвел прихожан и начал:

– Простимся, братие, с почившим в твердой и праведной вере рабом божием Янисом.

Опустив головы, слушали пастора Андрис Калниныш и его сын Лаймон, Фрицис Спуре с дочкой Бирутой, рыжебородый Марцис, Друкис, Петерис с толстухой Эрной, другие односельчане. Айна, жена Калниныша, поддерживала под руку тихо плачущую Зенту – вдову погибшего.

– Возлюбленный брат наш, твой муж, Зента, – продолжал

пастор, – Янис Банга – да упокоится душа его на небеси – был добрым христианином и добрым рыбаком... Вспомним же, что и любимейший ученик господа нашего, Иисуса Христа, апостол Петр был тоже рыбак. В опасных трудах неводом в пучине вод добывал свое пропитание... Вознесем же смиренную молитву нашу в великой надежде... Ибо каждого, почившего в твердой и праведной вере, господь, возлюбивший нас, приведет в царствие свое.

Пастор кивнул рыбакам, и они, подхватив концы длинных полотенец, начали опускать гроб в яму. Забилась в рыданиях Зента, Айна крепче прижала ее к себе. Пастор подошел к краю могилы и, взяв горсть земли, произнес простые, как эта земля, и такие же вечные слова:

– Из праха восстал – в прах и отыдешь. Аминь!

С глухим стуком упала на гроб первая горсть земли. Потом и лопаты подхватили сырой песок.

Артур – в распахнутом форменном кителе, с зажатой в руке морской фуражкой – вбежал, запыхавшись, в ворота кладбища. И хотя он едва не опоздал, теперь невольно задержал шаг, медленно пошел к могиле. Встретившись с ним глазами, Зента только всхлипнула громче и спрятала лицо на груди сына. Так они и стояли – молча, неподвижно, пораженные жестокой правдой. Потом Артур осторожно отстранился и, нагнувшись, тоже взял горсть земли. Смутный шум моря и сосен баюкал грустную кладбищенскую тишину.

Свадебная фотография в полированной рамке – Янис Банга в подпирающем подбородок крахмальном воротничке, в галстукe, рядом с ним Зента в подвенечном платье, с миртовым венком. Этот трогательно-наивный снимок – неперемнная принадлежность любого рыбацкого дома – сейчас, на поминках, щемил сердце всем, кто пришел к Бангам. Во главе стола, где обычно сидел хозяин, стояли глиняная кружка, перевернутая тарелка и одинокая свеча.

Айна помогала Зенте хозяйничать. Они ставили на стол все новые миски с картошкой, рыбой, подливами, наполняли пивом кувшины. Но рыбаки к еде почти не прикасались. Молча сидели над кружками. В тягостную тишину глухо падали звуки – поскрипывание половиц под ногами, звяканье посуды, далекий собачий лай. Андрис Калниньш глянул на Артура, сидевшего рядом с пустым стулом отца, и сдавленно пробубнил:

– Ну, помянем твоего отца.

Рыбаки подняли кружки.

Аболтиньш, трактирщик, ввалился в комнату задом, разводя пухлыми локтями.

– Под низ, под низ подхватывай! – шептал он кому-то в сенях. Да нет, так не пройдет, на попа ставь, на попа!

Следом за Аболтиньшем в комнату протиснулись бочка и трое тащивших ее парней в форме айсаргов¹. Трактирщик

¹ Члены кулацко-фашистской военизированной организации в буржуазной Латвии.

обернулся, наконец, к сидящим, кивнул Лаймону:

– Помоги-ка!

Тот встал, помог парням взгромоздить тяжелую дубовую бочку на скамью. Аболтиныш подошел к Артуру, положил руку на его плечо:

– Крепись, парень, – и обернулся к Зенте: – Ты уж извини, Зента, на кладбище не успели, – он кивнул на одного из айсаргов, – с сыном ездили за товаром в уезд.

Хозяйка засуетилась, подставляя пришедшим чистые приборы. К столу, рядом с Зигисом – щуплым отпрыском трактирщика, – присели и братья Петерсоны – Бруно и Волдис – сыновья лавочника из соседнего поселка. Оба крепкие, рослые, знающие себе цену парни. Аболтиныш постучал вилкой по кружке.

– Draugi! Я хочу сказать... – он оглянулся на сына и вдруг спросил: – Зигис, в чем дело? Для чего мы тащили свежее пиво?

Отпрыск бросился к бочке – тугая струя ударила в кувшин.

– Друзья! – повторил Аболтиныш, подняв пенящуюся кружку. – От нас ушел замечательный человек, наш друг Янис Банга... Такая уж доля рыбацкая. Сегодня он, завтра еще кто-то... Но Янка... Да что там говорить!.. Какой был рыбак! Какой дом поставил! Какого сына вырастил! Помянем его душу светлую.

Все молча выпили. Андрис, поднявшись из-за стола,

угрюмо буркнул:

– Пойти покурить...

За ним поднялись Марцис, Лаймон, Фридис Спуре, другие рыбаки. Столпились во дворе возле опрокинутой лодки.

– Благодетель! На пиво расщедрился, – зло сплюнул Спуре, набивая трубку. – Рыбак трактирный.

К Улдису Аболтинышу отношение в поселке было одинаковым: его не любили и боялись. Уж больно хищной оказалась эта рыбина для доверчивых и простодушных рыбаков. Рыжий, худой, угодливый, он каким-то непостижимым образом быстрее всех умудрялся оказаться там, где случалась беда. Одалживал, ссужал, перекупал, посредничал... Уже через полгода жизни на побережье – Аболтиныш обосновал здесь трактир в тридцать втором году – в поселке не осталось ни одного человека, не обласканного им. Даже Озолс, и тот частенько оказывался после выпивки в должниках у трактирщика.

Аболтиныш никогда не торопил клиентов. Он даже не любил, когда рыбаки расплачивались сразу. Что, мол, за мелочные счета со своими – успеется. А потом Озолс не раз ловил себя на мысли, что не может вспомнить, сколько же в действительности выпил рюмок. Надо бы, конечно, заплатить сразу, тогда и голова не пухла бы от сомнений, но у кого хватает духу так сразу взять и расстаться с деньгами. Тем более, если тебя не торопят.

Труд у рыбака тяжелый, как волна в штормовую пору. Тер-

пит рыбак, терпит, гнется на веслах, гнется, а потом как расправит плечи, как полыхнет жаркой удалью. Эх! И пойдет гулять.

Сколько выпито, сколько съедено, один господь знает, да не скажет, Аболтиныш тем более.

Жена под стать мужу-трактирщику. Посоветовать, погадать, принять роды, дать зелье от простуды, сшить, раскроить, сварить, посолить, накоптить, высушить – она тут как тут. Сын Зигис – вылитый отец. И всегда при родителе. Встретит, проводит, подаст, нальет, подогреет, остудит, улыбнется, музыку вкрутит... Радуйтесь, горемыки. А на утро... Черт его знает, как оно случилось. Ты уж, Улдис, не гневайся, обожди. Вот сходим в море... Да что вы, друзья, о чем разговор? Нам ли считаться? Идите с миром. Вот и все. До следующей попойки. Страшный человек Аболтиныш. Без него трудно, а с ним еще труднее. Протяни палец – всю руку отхватит.

Думая о своем, вздохнул Марцис:

– Эх, Янка, Янка, отчаянная башка! Ну кто его гнал одного в море?

Рыбаки покачали головами, толковали невесело: «Думал, ему вместо салаки золото в сети попрет», «Дом-то новый, денежку тянет», «Да-а... Туго им теперь придется. На одной страховке из долгов не выплывут». Молчавший до сих пор Калниныш выбил трубку:

– Надо бы им как-то помочь.

– Может, правление? – неуверенно подал голос кто-то из рыбаков.

Калниныш насмешливо прищурился:

– Держи карман шире. Скажи спасибо, если похороны оплатят. Помнишь, как было с Эриком? – Он замолчал, увидел вышедшего на крыльцо Артура.

– Что же вы тут? – глухо спросил тот. – Мать к столу просит.

Рыбаки пошли в дом. Калниныш на секунду задержался, положил ему руку на плечо:

– Я уж думал, отца без тебя похороним.

– В рейсе были.

– Ну а как дальше с твоим училищем будет?

Артур пожал плечами. Что он мог ответить? Неужели Калниныш не понимает, какое у него положение? Плата за учебу, кредит, взятый на постройку дома, долги по мелочам, долги покрупнее... А мать? Кто станет ее кормить, заботиться о ней?

Вспомнился отец. Неугомонный, отчаянный, никогда не терявший надежды неудачник-оптимист, он так и не смог смириться с нуждой, опутавшей их по рукам и ногам. Такой уж он был человек, отец: верил в свою планиду, рвал жилы, недоедал, недосыпал, а сняться с мели никак не мог. Видно, счастье ему попало особое: вот-вот, казалось, забрезжил просвет на горизонте – дом новый поставил, лодку купил, сына определил на капитана учиться – и вдруг, на тебе, все

прахом пошло. Начинай сначала, молодой хозяин.

Кто не сталкивался с рыбацким трудом, тому трудно представить жизнь на побережье. В стужу и зной, днем и ночью, в дождь и туман, с напарником и в одиночку, здоровый ты или больной, молодой или старый, паши и паши это проклятое море, таящее в своих глубинах самые неожиданные и коварные сюрпризы. До кровавых чертиков в глазах, до хруста костей, до треска лопающихся жил. Язык прилипает к гортани, сердце вот-вот готово вырваться из груди, а волна все бросает тебя вверх-вниз, вверх-вниз. Глотай соленый воздух и лови, черпай обессилевшими руками свое счастье. Сто раз забросишь, один раз поймаешь. Изо дня в день, из жизни в жизнь, от отца к сыну, от сына к внуку.

Земля у рыбака не в счет – так, самая малость – клочок у дома. Скота – и того меньше. Море – единственный кормилец. Оно давало жизнь, но оно же и отбирало силы, каплю за каплей. Ни на что другое их уже не оставалось. На доходы не разгуляешься. Рыба – товар нежный, скоропортящийся: вовремя не продал – считай пустую сеть вытащил. Скупщики, перекупщики – хитрый народец – прекрасно знали это и диктовали свою цену. Не нравится, поступай как знаешь. А куда денешься? Потащишь улов на рынок? Пробовали. Себе дороже получалось. Построить ледник, копильню? Пороху не хватит. К тому же с утлыми лодчонками, рванными сетями да пустыми карманами далеко не уплывешь. Кто-то наживался, а кто-то как был, так и оставался у разбитого корыта.

В середине тридцатых додумались, правда, до акционерного общества «Рыбак» с центральным правлением в Риге и местными отделениями по всему побережью. Организаторы на посулы не скупились. Они обязывались обеспечивать рыбаков кредитами, сетями, моторами, горючим, но, само собой, не безвозмездно: те, в свою очередь, должны были сдавать уловы только представителям общества. С этого времени многое вроде бы изменилось в поселке: появились моторные лодки, добротные сети, стали богаче уловы, не надо было ломать голову, как и куда сдать рыбу. Но нужда почему-то осталась прежней. Кредиты приходилось возвращать. Кое-кто залезал в такие долги, из которых выпутаться собственными силами уже был не в состоянии. И тогда оставалось одно: отрабатывать их своим горбом.

Впрочем, были на побережье и довольные. Управляющий отделением в поселке Якоб Озолс не мог пожаловаться на судьбу. Твердый оклад, регулярные добавки от прибылей за реализованный товар изо дня в день увеличивали его и без того завидное состояние. Однако здесь, пожалуй, следует рассказать кое-что поподробнее.

Всю жизнь Озолсы и Банги были соседями. Притом не просто соседями, а друзьями. В прежние времена их объединяло многое: и нужда, и общность взглядов, и страстная жажда разбогатеть. Даже внешне Якоб Озолс и Янис Банга были похожи. Их часто принимали за братьев, и в этом не было ничего удивительного. Они всегда вместе рыбачили в

море, вместе уходили зимой на озера, батрачили, слонялись по Риге, не гнушаясь никакой работой – лишь бы деньги платили. Никогда не считались между собой и готовы были отдать друг за друга душу. Впрочем, имелась у них одна несхожесть: Банга делал все весело, как бы играючи, с деньгами расставался легко и просто, Озолс, напротив, к работе относился с угрюмой сосредоточенностью, а заработанное тратил неохотно. В остальном же они действительно были как братья. Правда, до поры до времени – пока оба не влюбились в одну девушку. Ухаживали за ней честно, не подставляя друг другу ножку, не используя хитрых уловок и не применяя недозволенных приемов. Но что поделаешь – любовь есть любовь. И порождает она не только добрые чувства. Ей сопутствуют и зависть, и восторг, и ревность, и боль, надежда и отчаяние. Побеждает всегда один. По-другому еще никогда не получалось.

Так вышло и здесь. Зента, молодая красавица-рыбачка из соседнего поселка, постепенно стала отдавать предпочтение Банге. Это и дало первую, едва заметную трещину в их взаимоотношениях. Нет, внешне они по-прежнему оставались друзьями – верными и преданными. Подумаешь, предпочтение... Это дело такое, думалось Озолсу, сегодня повезло Янке, а завтра, глядишь, подфартит и мне. О том, чтобы отступить, не могло быть и речи. Но тут случилось одно обстоятельство: Якоб потерял ногу. Произошло это глубокой осенью во время сильного урагана, налетевшего на побережье.

Надо было спасать карбасы – их уже захлестывали волны, Озолс одним из первых бросился в воду и, не задумываясь, подставил плечо, чтобы оттащить лодку к берегу. Однако, не сделав и двух шагов, не смог удержаться на ногах, поскользнулся. Налетевшая волна ударила в спину и завершила дело. Якоб упал, товарищи не сумели удержать карбас и он, рухнув всей тяжестью вниз, раздробил парню ногу.

Врачи были бессильны. Через полгода Озолс, осунувшийся и посеревший, с поблекшими от боли и отчаяния глазами, появился в поселке и, как немой укор, проковылял на костылях к своему дому. Он ни с кем не хотел общаться. Даже с лучшим другом Янкой обменялся несколькими скупыми, ничего не значащими словами. И надолго замкнулся в своем одиночестве и горе. Рыбаки решили помочь товарищу – сбросились, заказали протез в Риге. Якоб протез принял как должное, поблагодарил, но помрачнел после этого еще больше. Видно, воспринял поддержку как милостыню, брошенную несчастному калеке. Милостыню жалкую и унижительную. Деревяшкой, мол, откупились.

Настроение Якоба усугублялось еще и тем, что за время его отсутствия лучший друг Банга женился на Зенте. И хотя здравый смысл должен был бы подсказать, что ничего сверхъестественного не произошло – симпатии девушки так или иначе еще и до несчастья склонялись в пользу Янки, – Озолс без устали терзал свое воображение: это случилось, думал он, только потому, что Янка нечестно воспользовал-

ся его бедой. Теперь трещина между ними разошлась настолько, что перешагнуть через нее становилось все труднее и труднее. Встречались все реже. При этом, как правило, по необходимости или случайно. Озолс к Бангам не заходил. Ему было невозможно видеть чужое семейное счастье, ловить на себе сочувствующие взгляды, выслушивать утешения. Он все больше ожесточался и замыкался. Мать Якоба, робкая, безответная старуха, – отца Озолса шесть лет назад задавило на лесоповале – обливалась горючими слезами, но ничем помочь сыну не могла. Якоб озлился на весь мир. Особенно на тех, кто находился рядом. Им он не прощал ни здоровья, ни успехов, ничего не прощал. Когда забывали о его существовании – мало ли у людей своих забот и хлопот, – Якоб переполнялся желчью и обидой. Когда друзья вспоминали о нем и приходили на помощь или просто с добрым словом, Озолс раздражался еще пуще прежнего. Он не хотел принимать подачек, никому не верил и продолжал страдать от своего бессилия и обездоленности. Даже слезы матери принимал не с теплой сыновней благодарностью, а с холодным недоверием. Ему всюду что-то мерещилось, в каждом слове он находил другой, скрытый смысл, а самое главное – ему становилось невозможно ежедневно встречаться с Янкой и его молодой женой.

Потом Озолс неожиданно исчез. Ушел, чтобы никому не мозолить глаза и себе не надирать душу. Он ни с кем не советовался, ни с кем не прощался. Даже дома не сказал, куда

и зачем уходит. Потом мать стала получать от сына короткие, скудные записки, небольшие денежные переводы, но где он находится и чем занимается, Озолс не сообщал. Так длилось около двух лет. И вдруг он объявился в поселке. Даже не один, а с молодой женой – тихой, болезненной на вид женщиной, примостившейся рядом с ним на добротной повозке, которую бойко тащила довольно приличная лошаденка. Сзади за телегой плелась корова. Появление блудного сына, да еще с женой, да к тому же на собственной лошади и с коровой, вызвало у рыбаков много толков и пересудов. Кто такая, откуда? Сам Озолс по этому поводу не распространялся. Зажил своим миром, с жадной ненасытностью набросился на работу. Поправил дом, прикупил земли, обзавелся лодкой. Сам в море – куда ему на деревяшке – не пошел, нанял двух работников. Рыбаки дивились: откуда что взялось? Кто-то пустил слух, что Якоб женился на деньгах. Как потом выяснилось, это было правдой. От людского глаза не скроешься.

В поисках пристанища судьба занесла молодого рыбака далеко от дома, на хутор к богатому хозяину. Здесь ему повезло – сказала прирожденная способность парня к различным ремеслам: он неплохо шорничал, столярил, ловко управлялся в кузнице. Хозяин быстро смекнул, какую выгоду может принести новый работник, и уже через несколько дней они ударили по рукам. Сговорились на год. Для начала – на половинном жаловании. Хитрый хуторянин отлично понимал, что одноногому деваться некуда. Если б он тогда

знал, во что обойдется ему собственная жадность!

Затаив в душе обиду, новый работник не без корысти рассмотрел одну из трех хозяйских дочерей, Дзидру, – неприметную и хилую девушку. Она была настолько невзрачна, что отец, несмотря на солидное приданое, не надеялся выдать ее замуж. Озолс рассчитал точно: сестры помоложе и покрасивее могут и не клюнуть на работника-калеку. Да и отец, случись что, наверняка заартачится. А с этой... Чем черт не шутит – дело могло и выгореть.

Прицел оказался верным. Что предпринимал Якоб, какие говорил слова, как ухаживал – все это осталось скрытым от людских глаз. Никто ничего не замечал до той поры, пока «Золушка» сама не бросилась со слезами на глазах в ноги к отцу, и, заламывая от отчаяния руки, не объявила, что она на сносях. Озолс тоже был здесь. Он стоял поодаль, хмуро, из-под лба наблюдая за происходящим. Вначале все шло именно так, как он и предполагал: хозяин без долгих колебаний выгнал вон неблагодарную дочь и коварного обольстителя. Выгнал, как вышвыривают нашкодившую собаку. Без жалости и без всяких средств к существованию. Молодая безутешно рыдала, Озолс загадочно усмехался. Он знал – должно пройти время. Знал и дождался. Разгневанный родитель постепенно успокоился, поразмыслил и пришел все-таки к выводу, что дело складывается не так уж и плохо: с помощью этого хромого кобеля можно и обузу с плеч сбросить, и на приданом сэкономить. Поартачившись для виду денек-дру-

гой, он сам разыскал негодников, отчитал для порядка, о чем-то переговорил с соблазнителем и, наконец, простил. Даже кое-что выделил для начала: лошадь, корову, немного денег. Но Якоб остался доволен и этим. Теперь можно было начать задуманное.

Словом, когда закончилась Первая мировая война и Янка вернулся в поселок – Бангу призвали в девятьсот сорок первом и он, как говорится, оттрубил от звонка до звонка, – солдат не узнал бывшего друга. Озолс раздобыл, залоснился, его движения и речь стали неторопливо значительными, во взгляде заledenела сытая барская снисходительность. Ну что, мол, выкусили?

Работал он, правда, как одержимый. Не давал покоя ни себе, ни близким. С толком использовал каждый сантиметр – здесь у него тоже прорезался особый талант – и вскоре стал самым солидным человеком в поселке. Теперь уже к нему потянулись за помощью. Яков не отказывал. Ссужал, одалживал, благодетельствовал... Конечно, не безвозмездно. Он как бы возвращал долги – со сладостным, мстительным упоением. Богатство Озолса росло, разбухало на глазах. Как по мановению волшебной палочки возникали новый дом, очередной надел земли, кусок леса, мельница, лодки... Теперь он давал работу, диктовал условия жизни в этом крохотном мирке на берегу Балтийского моря.

Жену Озолс не замечал настолько, что даже удивился, когда она, вдруг отчаянно вскрикнув, упала посреди двора

прямо на землю. С чего бы это? Удивился и тут же забыл. О том, чтобы дать жене передышку, позволить отдохнуть или хотя бы поваляться лишний часок в постели, об этом не могло быть и речи. От зари до зари, не покладая рук, не разгибая спины, не надеясь на участие или снисхождение, она работала, работала и работала. До тех пор, пока страшная боль не парализовала ее тело и волю. Кричала она недолго, словно боялась нарушить покой мужа, и родила девочку.

Озолс, узнав об этом, досадливо крикнул: судьба и здесь хлестнула по его самолюбию. Всего год назад Зента подарила Янке прекрасного мальчишку, наследника. Якоб равнодушно согласился назвать дочь Мартой и вновь забыл о существовании жены. На сей раз не надолго. Когда сообщили, что Дзидра умирает, его охватило не столько чувство жалости, сколько досады: нашла время, в самую страду.

Возвращаясь с кладбища, он вдруг поймал себя на мысли, что совсем не помнит, каким было лицо у жены. И тут же успокоился – нет так нет. Что уж теперь заниматься покойниками, когда своих дел невпроворот. Надо решать, кто присмотрит за ребенком, кто возьмет на себя хозяйство? Мать ослабела настолько, что уже не вставала с постели. Одному не под силу, а кому попало не доверишься. Была бы родня как родня... Неподалеку от Цесиса на собственном хуторе жила сестра Якоба с мужем и тремя детишками. Женщина алчная, властная – такую только подпусти к добру. Где-то существовали еще родственники. Но к ним у Озолса с года-

ми выработалось особое отношение: не знал он их раньше, не хотел признавать и теперь. Это были мухи, готовые слететься на сладкий пирог. Нет уж, лучше иметь дело с чужими людьми. И договориться проще, и расстаться, в случае чего, не так сложно. А что касается дела, так это зависит не от родственных чувств, а от самого человека, которого нанимаешь. Печется о хозяйском добре, не отлынивает от работы – милости просим, лодырничает, норовит урвать лишний кусок от чужого пирога – скатертью дорога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.